

Александр Куланов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ЯПОНЦЕВ • ВЗГЛЯД ЗА ШИРМУ

Александр Евгеньевич Куланов
Повседневная жизнь
японцев. Взгляд за ширму
Серия «Живая история. Повседневная
жизнь человечества (Молодая гвардия)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68832627

Повседневная жизнь японцев. Взгляд за ширму:

ISBN 978-5-235-04721-1

Аннотация

Книга, которую вы держите в руках, посвящена сексуальной культуре японцев – теме, с давних пор вызывающей противоречивые эмоции в западном мире. В основу лег труд «Обнаженная Япония. Эротическая традиция Страны солнечного корня», написанный Александром Кулановым в 2004 году, который неоднократно дорабатывался и дополнялся. Со временем интерес читателей к теме не ослабел, но многие аспекты, связанные с современной традицией секса в Японии, претерпели сильные, порой неожиданные изменения. Оттого пришла пора вновь заглянуть за ширму японской спальни.

Представленное издание – не культурологическое, психологическое, этнографическое или какое-либо иное исследование, хотя автор и получил предложение оформить его

как диссертацию на тему «Генезис и трансформация сексуальной культуры Японии». Это, прежде всего, попытка понять, почему эта страна в вопросах эротики и секса развивается именно так, а не иначе, разобраться, почему ее народ ведет себя в интимных делах таким, а не каким-либо иным образом. Ну и, конечно, подумать о том, что ждет всех нас в недалеком будущем.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	17
Верный путь	17
Высший уровень стриптиза	29
Божественные корни	38
Глава вторая	45
Не вскрывать!	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Куланов

Повседневная жизнь японцев. Взгляд за ширму

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Куланов А. Е., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Предисловие

Прообраз этой книги впервые появился около пятнадцати лет назад и назывался «Обнаженная Япония. Эротическая традиция Страны солнечного корня». С тех пор случилось несколько переизданий, в которые были внесены изменения и дополнения. Прошло время, интерес читателей к теме не ослабел, а вот многие аспекты, связанные с современной культурой секса в Японии, довольно сильно изменились. Проявились новые тенденции, которых мы не ждали, а что-то, наоборот, ушло в тень и почти забылось. Настало время вновь обратиться к этой теме и бросить нескромный взгляд за ширму японской спальни. Нескромный и очень личный. Субъективный. Книга, которую вы держите в руках – не культурологическое, психологическое, этнографическое или какое-либо иное исследование. Это попытка понять, почему эта страна в вопросах сексуальной культуры развивается именно так, а не иначе, разобраться, почему ее народ ведет себя в интимных делах таким, а не каким-либо иным образом. Ну и, конечно, подумать о том, что ждет их и нас в будущем. Ведь Япония – все еще страна будущего?

Да, Япония... Страна романтических грез миллионов людей со всех концов земного шара. С тех пор как она открылась взорам европейцев, о ней слагали мифы и легенды, рассказывая о необыкновенных запасах золота, чудесах приро-

ды, о диковинных обычаях и их носителях: самураях – идеале мужественности; и о гейшах – эталоне женственности. Со временем люди узнали, что золотых слитков в Японии нет, природа красива, но сурова, и европейцам к жизни в японских условиях приспособиться трудновато. Из всего бывшего очарования, из мира европейских грез о Стране восходящего солнца на плаву остались только гейши и самураи. Но оказалось, что и этого вполне достаточно, чтобы на протяжении сотен лет тревожить воображение неазиатских жителей планеты, ищущих идеала во всем. Прежде всего в личной жизни.

Путешественники, первыми побывавшие в Японии, с удовольствием рассказывали не только о природе, религии и политическом устройстве этого края Земли, но и (далеко не в последнюю очередь!) о странных привычках японцев в интимной сфере – настолько они были удивительны. Утонченные гейши, таинственные куртизанки-дзёро, brutальные и не очень монахи-гомосексуалисты и запечатлевшие весь этот набор эротические гравюры-сюнга всегда ужасали и восхищали жителей Европы и Америки. Пропорции этих противоречивых эмоций менялись с течением времени: если в XVI веке христианский Запад уверенно знал, что язычники-японцы начисто лишены стыда, и их надо «перековывать», втискивая в рамки христианской морали, то ближе к веку XX у европейцев появились большие сомнения в собственной правоте – слишком уж заманчиво выглядели так

и не перековавшиеся до конца японские «развратники» и «развратницы».

Вот уже более полутора столетий сердца белых иностранцев не в силах биться спокойно при слове «Япония». Самонадеянные и поначалу неколебимо уверенные в том, что их шкала ценностей может быть единственно верной, они решили, что скоро тайны японской интимной жизни раскроются перед ними, и они изменят эту жизнь так же легко, как изменили внешний вид японцев, переодев их в европейские костюмы и платья. Подгоняемые желанием познать любовную экзотику, «красноволосые варвары» открыли эпоху сладострастных описаний японских сексуальных нравов в журналах путешествий, в восторженных романах о гейшах и полунаучных исследованиях эротической культуры, восторгаясь этими нравами и осуждая их одновременно.

Очень скоро стало ясно, что в рамки обычных представлений об эротике, пусть даже и восточной, японские реалии не вписываются. Да и ожидания во многом оказались обманутыми. Выяснилось, например, что японцы гораздо охотнее говорят о сексе, чем занимаются им. Отношения между мужчинами и женщинами выглядели простыми и естественными, но на самом деле были запутанны и сложны. Причем чем больше европейцы пытались в этом разобраться, тем труднее им становилось докопаться до истины. Вроде бы понятные и стройные умозаключения не выдерживали элементарной проверки практикой, не стоили выеденного яйца при более

глубоком погружении в тему. Японская эротическая культура оказалась древней, многомерной и при этом постоянно меняющейся и мастерски ускользающей от понимания. К тому же попытки здравомыслящих суждений и научного анализа легко вытесняли яркие, любимые охочим до сальностей западным народом, легенды, в которых гейши и проститутки стали одним целым, а роль мужчины в семейной жизни ограничивалась готовностью в любой момент совершить харакири.

Прошли десятилетия, и Япония, став одной из самых экономически развитых стран мира, так и не перестала быть непонятной и таинственной даже для самых нескромных европейских взглядов – взглядов за ширму японской спальни. В остальном мире отшумела сексуальная революция, о самых интимных аспектах вопросов семьи и брака стали говорить уже совсем без всякого стеснения, и тут вдруг оказалось, что японцы, о которых уже начали подзабывать, снова оказались впереди планеты всей. На этот раз они научились обсуждать, рисовать и снимать это едва ли не лучше всех. Показалось, что наконец-то японское общество раскрыло для всех желающих тайны своей интимной жизни, но... понятнее от этого она все равно не стала. Шок, в который на протяжении нескольких десятков, а то и сотен лет подвергали иностранцев особенности японского национального секса, стал еще глубже. Выяснилось, что даже знаменитые гейши и шокирующие сюнга – сущая ерунда по сравнению с

тем, чем японцы занимаются сейчас. Анимационные фильмы, при показе которых, кажется, краснеет даже экран, салоны с изощренными приспособлениями для «извращенцев», «отели любви» как повод для национальной гордости, странные семейные отношения – все это, бесстыдно открытое чужому взору, не только в очередной раз привело европейцев в глубокий ужас, но и снова заставило вспылать страстью к японкам и японцам, которые теперь уж точно имели право на титул «самых сексуальных существ во Вселенной».

Интернет, глобализация, активное и явное включение подростков в сексуальную жизнь довели вождение белых до предела. Вот уже и русские девушки-журналистки пишут о том, что даже на карте Японские острова представляются им гигантским изогнутым фаллосом, и они не находят в себе сил сопротивляться «зову любви», готовые отдаться первому встреченному японцу. Прыщавые юноши, дружащие в реальной жизни лишь с компьютерами, более не в состоянии скрывать возбуждения при виде большеглазых девчушек «алла Сэйлормун» с длинными, но кривыми ногами, а не менее прыщавые девушки пытаются сменить свою сексуальную ориентацию по примеру тех же героинь. Воспрял непобедимый миф о гейшах и самураях, и вот взрослые мужчины шарят мышкой по всемирной Сети в надежде увидеть фото утонченных японских проституток, а зрелые женщины мечтают о неутомимых и щедрых любовниках из воинственного рода. И даже буквальный перевод названия страны – иеро-

глифов «Нихон» – стал звучать как-то особенно эротично: «Страна корня солнца», «Страна солнечного корня».

Но то, что мы видим сегодня, по сути своей есть лишь возвращение к истокам: в 1926 году советский писатель Борис Пильняк написал замечательную книгу – «Корни японского солнца». Корням эротическим он посвятил едва ли не самые вдохновенные строки и честно признавался, что японская культура секса стала для него мощнейшим потрясением:

«Философия пола у всех народов упирается в метафизику, – и никогда не забуду я фарфоровой тишины рассвета в деревне, на Синюю. В этот фарфоровый рассвет, без шпика, один-одинешенек, должно быть, единственный раз так, в кимоно, я вышел со двора крестьянского дома и пошел в горы. Я писал уже об этом: там, на горе, я увидел храм, в стороне от храма сидел мальчик, – а в чаще деревьев около храма стояла на коленях женщина, женщина обнимала клиноподобное каменное изваяние, лицо ее было восторженно. Я увидел таинственнейшее, такое, что редко удастся увидеть даже японцам, – я видел, как женщина поклонялась фаллосу, – видел таинственнейшее, что есть в природе человека.

...Тогда, в тот рассвет, я смотрел на эту женщину, одетую в кимоно, перепоясанную оби, с рудиментами крылышек бабочки на спине, обутую в деревянные скамеечки, – и тогда мне стало ясно, что тысячелетия мира мужской культуры совершенно перевоспитали женщину, не только психологиче-

ски и в быте, но даже антропологически: даже антропологически тип японской женщины весь в мягкости, в покорности, в красивости, – в медленных движениях и застенчивости, – этот тип женщины, похожей на мотылька красками, на кролика движениями. – Даже жены профессоров, европейски образованных людей, встречали меня на коленях. – Она дайгаку – великое поучение для женщин – японский домострой – учит навсегда подчиняться отцу, мужу, сыну, – никогда не ревновать, никогда не перечить, никогда не упрекать. И в каждой лавочке продаются три обезьяны, символ женской добродетели: обезьяна, заткнувшая уши; обезьяна, закрывшая глаза; обезьяна, зажавшая рот. Так решили философию пола – буддизм, феодализм, восток, – и эта философия пола жива до сих пор»¹.

Что сказал бы Пильняк, знай он о том, что обезьян на самом деле не три, а пять: четвертая зажимает рукой перед, а пятая – зад? Но в те времена «лишних» двух обезьянок еще стеснялись, как тринадцатого подвига Геракла, а сегодня на поклонение к ним стоит очередь, в которой двое из троих – иностранцы. Правда, происходит это лишь раз в год, поскольку даже лидерам европейских секс-движений лидеры мировой сексуальной моды кажутся порой слишком уж раскрепощенными. Что уж говорить о ревнителях христианской морали, чье мнение однозначно: японцы – извращенцы, и точка! Еще бы: ведь они – японцы – несчастные люди, у кото-

¹ Пильняк Б. А. Корни японского солнца. М.: Три квадрата, 2004. С. 45.

рых нет секса в семье, которые ходят к проституткам, подвешивают их к потолку и стегают плетками! Иностранцы, жившие в Японии, согласно кивают: конечно, извращенцы. Судите сами: японцы отправляются к хостес – девушкам в барах, которые вызывающе одеты, сексуально выглядят, ведут с клиентами неприличные разговоры, и за все за это японцы им платят – вместо того чтобы с ними спать! Оказывается, у японского мужчины, как у султана, должно быть три женщины: одна – жена, чтобы вела хозяйство, вторая – проститутка, чтобы спать с ней, третья – гейша, чтобы с ней разговаривать. Как, вероятно, все они несчастны! Но так ли это?

Век назад одна японка пеняла иностранным миссионерам: «Слово “любовь”, в его иноземном смысле, было до сих пор незнакомо нашим девушкам. Долг, подчинение, доброта – вот какие качества ожидалось от спутницы избранным для нее мужем, и в результате мы имели много счастливых, гармоничных браков. Теперь вы, дорогие сентиментальные иностранки, говорите нашим девушкам: “Выходить замуж без любви дурно; в этом случае послушание воле родителей есть грубое нарушение природных и христианских законов. Если вы любите человека, то должны пожертвовать всем, но выйти за него замуж”». Значит... все наоборот – японцы счастливы, а мы дураки?

Но если японцы знают, как быть счастливыми, то, вероятно, и мы можем? Снова погонимся за «японским чудом»? С машинами не вышло, так хоть в сексе перегоним? Но как? И

надо ли? Наконец, о чем вообще речь? Что такое японский секс и почему он такой?

Конечно, это нескромный вопрос, подразумевающий нескромный ответ. Это снова – взгляд за ширму, и эта книга – о тайной жизни японского народа, внешние проявления которой тем не менее бросаются в глаза, как верхушка айсберга. Верхушка эта такова, что, увидев ее, многие раз и навсегда решают, что интимная жизнь японцев ненормальна по своей сути. Но точно ли мы знаем, что такое норма? Разве не у каждого из нас она своя, индивидуальная? И разве эта разница в восприятии не есть тоже – норма? Да, нам в вопросах секса близко европейское христианское мировоззрение с его основополагающими понятиями греха и извращений. Но японцы – не европейцы. Поэтому слово «извращение», когда мы говорим о японской сексуальной культуре, лучше брать в кавычки.

В каком-то смысле, все семьи в мире нормальны одинаково, и оттого трудно описывать обыденные интимные отношения в японской семье, потому что с таким же успехом можно рассказывать об интимных отношениях в семье, скажем, польской. Разница может оказаться только в некоторых статистических данных, но это очень важная статистика, и игнорировать ее – значит игнорировать особенности японской семейной жизни в интимной сфере. Да, сегодня «нормальных» с европейской точки зрения семей в Японии – большинство, «ненормальных» – значительно меньше. Из-за это-

го может показаться, что книга непропорционально много внимания уделяет «ненормальностям», рассказу о различных «извращениях». Но что делать, если в этом сегменте сексуальная палитра явно богаче красками?

Главной задачей автора при работе над этой книгой было не шокировать читателя, а спокойно и внятно объяснить, что такое японская сексуальная традиция, откуда она взялась, как развивалась, к чему привела сегодня и как может выглядеть завтра. Эта книга лишь попытка – в меру весьма скромных сил и способностей автора – проанализировать проблемы, которые возникли или могут возникнуть в связи с особенностями японского отношения к сексу у самих японцев и во всем мире. При этом работа получилась во многом компилятивная, но по-иному и быть не могло – этому способствовали обширная историческая часть и анализ современных исследований и мнений на изучаемую тему. В книге много цитат из исторической и художественной литературы, прежде всего на русском языке. Причина этого проста: если цитаты убрать, получится разговор о сексе за столом на кухне, чего не хотелось бы, а иных свидетельств, кроме литературы, японская история эротики почти не оставила. К тому же, благодаря этим цитатам, вы узнаете, где при желании прочитать о заинтересовавших вас нюансах подробнее.

Замечу особо: автор не ставил специальной задачей сравнение японской и европейской, западной (в самом широком смысле этого слова) сексуальных традиций. Все сравнения

приводятся там, где без этого было не обойтись, и только там, где речь идет о зафиксированных литературой свидетельствах, потому что в других случаях это увело бы далеко в сторону от заявленной темы.

Надеюсь, что в итоге автору все же удалось достичь желаемого. По крайней мере, я получил от этой работы массу удовлетворения. Желаю того же и вам и верю, что это только начало!

Японские имена и фамилии приведены в книге по японскому образцу – сначала фамилия, потом имя – и не изменяются по падежам.

Глава первая

Сакральные начала

Верный путь

Точно так же как почти любая европейская или, шире, христианская традиция может быть истолкована с опорой на канонические тексты Библии (а при невозможности – на неканонические, апокрифические), так и большинство современных японских традиций, представлений о мире, нравственных, психологических основ и практических ценностей этого народа можно объяснить, ссылаясь на канонические тексты древней японской культуры синто: «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихонги» («Анналы Японии»). По объему и качеству мировоззренческих догм «эпохи богов», когда закладывались все основные морально-нравственные ценности японцев и формировался их взгляд на мир, в том числе и на свой внутренний мир, эти две книги вполне можно назвать священным писанием японской культуры. А раз так, то мы можем найти в них хотя бы некоторые ответы на вопросы о том, как начинала складываться японская сексуальная традиция. Разумеется, не на все – неколебимый интерес европейцев, например, вызывают и

загадочное мастерство средневековых проституток-юдзё, и скрытое от посторонних глаз (а иностранец в Японии всегда посторонний, он – гайдзин, то есть человек извне) эротическое мастерство танцовщиц-гейш, но в «Кодзики» ничего этого, конечно, нет. Но, с другой стороны, европейцы и американцы, создавшие мифы о сексуальности японцев, снова и снова приезжают в Страну солнечного корня, желая своими глазами и прочими органами получения информации проверить их справедливость. И с удивлением, для кого-то переходящим в шок, сталкиваются с истинным отношением японцев к сексу, практически неизвестным за пределами этой страны. Рассуждения о том, насколько сексуальны или нет современные японцы, еще впереди, но главный принцип отмечается наблюдателями сразу: местные жители не относятся к половой любви как к чему-то сакральному, в высшей мере вожделенному или сугубо интимному. Секс для японца – часть повседневной жизни, и далеко не самая важная, по крайней мере, не определяющая его жизненного пути.

Европейского или американского обывателя, воспитанного на «культуре вины», на мифе о змее-искусителе, где в одном названии сразу запечатлелись и ужас, смешанный с отвращением перед скользким гадом, и презрение к провокатору, на основополагающем для библейской морали понятии «плотского греха», такое отношение к сексу надолго выбивает из колеи, заставляя мучиться бессмысленным вопросом: «А нормальные ли люди, эти японцы вообще?»

Интересно, что сами японцы, впервые соприкоснувшиеся с христианством довольно давно, в XVI веке, поначалу эту реакцию во внимание не приняли и проигнорировали важность многочисленных сексуальных запретов далекой для них европейской культуры. Лишь позже, в Новое время, отсчет которого довольно точно можно начинать с буржуазной революции в Японии в 1868 году, они весьма рьяно принялись выполнять нравственные рекомендации христианства, усваиваемые в комплекте с набором западных новшеств вроде ношения европейской одежды или строительства линкоров. Но, как и многое в Японии, это была лишь видимость, картинка, которую японцы показывали иностранцам, чтобы не выбиваться из ряда «просвещенных» наций, не казаться дикими носителями животных устоев.

Многие исследователи сравнивают потребность японцев в сексе с необходимостью выполнения лишенных сакрального налета и какой-либо романтики физиологических функций организма, да и автору этой книги опрошенные молодые японцы чаще всего заявляли, что «секс – это что-то вроде чистки зубов, только значительно реже». На первый взгляд это выглядит шокирующе, но всё не так однозначно. Ведь в соответствии с традиционными географическими и религиозно-мифологическими представлениями японцев сама их страна – результат не чего иного, как божественного соития высших сил, она поистине – Страна божественного секса, пусть и сакральность эта – сугубо японская, практичная, без

придыхания.

Синто исходит из святости природы и богоугодности всего, что в ней есть, в том числе и плотской любви – а как иначе? Сами по себе синтоистские боги и богини были просты и понятны, а их желания – естественны для древних жителей архипелага. «Кодзики» и «Нихонги» недвусмысленно разъясняют: боги устроены, как люди. Высшие существа активно используют разницу в строении своих тел к взаимному удовольствию: влюбляются, сходятся, изменяют, отбивают возлюбленных – иногда близких родственников и родственниц, рожают острова, других богов и людей. Плотского греха, да и какого-либо другого в этом деле просто нет и быть не может. Поэтому само собой разумеется, что бесчисленным поколениям японцев казалось поистине варварским, идущим против воли богов, провозглашение дозволенности только супружеской любви, да к тому же только для продолжения рода. То же самое касалось и иных запретов в сексуальной жизни, принятых у европейцев, – боги-ками занимались любовью не только плодотворно, но и практически без моральных ограничений. Хотя кое-какие тонкости в этом деле существовали и в самые древние, легендарные времена. Чтобы понять, какие именно, стоит обратиться к истокам – к Первому свитку «Кодзики» – «Запискам о деяниях древности» (712 год н. э.): «Тут все небесные боги своим повелением двум богам Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото: “Закончите дело с этой носящейся [по морским волнам]

землей и превратите ее в твердь”, молвив, драгоценное копье им пожаловав, так поручили.

Потому оба бога, ступив на Небесный Плавающий Мост, то драгоценное копье погрузили, и, вращая его, хлоп-хлоп – меси [морскую] воду, и когда вытащили [его], вода, капавшая с кончика копья, сгустившись, стала островом. Это Оногородзима – Сам Собою Сгустившийся остров»².

Эти строки, рассказывающие о сотворении Японских островов, при желании легко можно истолковать в сексуальном контексте. Многие так и делают: слишком уж говорящей кажется им фраза о драгоценном копье и падающих с его кончика каплях. Не исключено, что их предположения обоснованы, однако столь же многочисленные профессиональные японоведы настроены в этом вопросе довольно скептически и считают, что речь идет всего-навсего о некоем драгоценном, богато украшенном волшебном копье небесного происхождения.

При известном воображении позицию первых разделить нетрудно: загадочные звуки «хлоп-хлоп» («кооро-кооро» в японском произношении), странное небесное копье, да еще богато украшенное, что само по себе уже наводит на мысль о сопоставлении с широко известным китайским образом «нефритового стержня», и в завершение – таинствен-

² Здесь и далее «Кодзики» и комментарии к ним цит. по: Кодзики: Записи о деяниях древности: В 2 т. / Пер. с яп. и коммент. Е. М. Пинус, Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994.

ные капли, порождающие жизнь... Сомнения в целесообразности такого подхода закрадываются, когда читаешь «Кодзики» не кусками, а в целом: сексуальные сцены здесь отнюдь не редкость, но изображены они значительно проще и примитивнее, как будто нарочно не оставляя простора ни для каких позднейших фантазий: «На этот остров [они] спустились с небес, воздвигли небесный столб, возвели просторные покои. Тут спросил [Идзанаги] богиню Идзанами-но микото, свою младшую сестру: “Как устроено твое тело?”; и когда так спросил – “Мое тело росло-росло, а есть одно место, что так и не выросло”, – ответила. Тут бог Идзанаги-но микото произнес: “Мое тело росло-росло, а есть одно место, что слишком выросло. Потому, думаю я, то место, что у меня на теле слишком выросло, вставить в то место, что у тебя на теле не выросло, и родить страну. Ну как, родим?” Когда так произнес, богиня Идзанами-но микото “Это [будет] хорошо!” – ответила».

Комментарии к этому фрагменту кажутся излишними – это классика японского эротического жанра. Здесь и описание тел богов – они человекоподобны, то есть понятны людям, здесь и мотивация инстинкта, до сих присущего японцам: раз есть, что и куда вставить, раз это не считается греховным (ведь греха нет!) и никак не наказывается, то почему бы и не вставить? Логичное продолжение в таком случае объясняет и быстрое охлаждение – после нескольких подобных «проверок», не сопровождаемых каким-либо чув-

ством, кроме любопытства, происходит естественное переключение интереса на другие объекты и цели. Удовлетворение получено, тема закрыта. Но для христианской морали это шок: Землю создает не единый творец, а два божества, супружеская пара, воспринимающая соитие не как нечто постыдное и греховное, а наоборот – как космическое созидание. «Это будет хорошо!» – говорят друг другу вдохновленные идеей совместного секса Идзанаги и Идзанами и соединяют впадинки и выпуклости, на радость потомкам. Впервые знакомясь с подобными мифами, европейцы, «открывавшие» Страну солнечного корня, естественно, были смущены и озадачены. Сегодня нам, имеющим доступ к сказаниям о сотворении мира самых разных народов: шумеров, древних египтян, античных греков, японские кажутся необычными, экзотическими, но вряд ли шокирующими. А каково было людям, воспитанным на библейских историях, в католических традициях?! Да и протестанты, думаю, не смогли с ходу понять, как к этому относиться.

Отдельный интерес представляет вопрос с употреблением термина «младшая сестра» (по-японски *имо*), но в те времена он использовался и для обозначения жены, и для, собственно, сестры³. Последовавшее затем хождение богов вокруг небесного столба, подробно описанное в хронике, сим-

³ Для языческой культуры вообще, как правило, нет ничего запретного в инцесте, во всяком случае, в сексуальной связи с сестрами. В Древнем Египте Исида, жена Осириса, одновременно – его сестра, этому примеру следовали многие фараоны, да и у древних греков Зевс женат на своей сестре Гере.

волизировало совершение супружеского обряда и исчерпывающе говорит нам о намерениях божественной пары: человеческих, с точки зрения европейцев, – божеских, по мнению японцев: «Тут бог Идзанаги-но микото произнес: “Если так, я и ты, обойдя вокруг этого небесного столба, супружески соединимся”, – так произнес. Так условившись, тут же: “Ты справа навстречу обходи, я слева навстречу обойду”, – произнес, и когда, условившись, стали обходить, богиня Идзанами-но микото, первой: “Поистине, прекрасный юноша!” – сказала, а после нее бог Идзанаги-но микото: “Поистине, прекрасная девушка!” – сказал, и после того, как каждый сказал, [бог Идзанаги] своей младшей сестре возвестил: “Нехорошо женщине говорить первой”, – так возвестил. И все же начали [они] брачное дело, и дитя, что родили, [было] дитя-пиявка. Это дитя посадили в тростниковую лодку и пустили плыть. За ним Ава-сима – Пенный остров родили. И его тоже за дитя не сочли».

Написанный чуть позже «Нихонги» (720 год н. э.) вносит в данный эпизод существенное уточнение: Идзанаги и Идзанами хотели близости – то есть и по этой версии желание соития было нормальным для богов, а следовательно, и для людей, – но они не знали, как это делается. Естественно, на помощь пришла матушка-природа, что целиком согласуется с натуралистичным смыслом культа синто: «И они [боги Идзанаги и Идзанами] хотели совокупиться, но не знали, как это делается. И тут появилась трясогузка, которая начала по-

драгивать хвостом. Увидев это, боги освоили это искусство и обрели путь соития».

Обратите внимание на слова «искусство» и «путь» – японцы раннего Средневековья сразу поставили секс на уровень не постыдного занятия, как это произошло в христианской Европе, а высокого искусства, учиться которому можно всю жизнь, – на уровень Пути. И учеба не заставила себя ждать, начавшись с анализа ошибок: «Тут два бога, посоветовавшись, сказали: “Дети, что сейчас родили мы, нехороши. Нужно изложить это перед небесными богами”, – так сказали, и вот, вместе поднялись [на Равнину Высокого Неба] и испросили указание небесных богов. Тут небесные боги, произведя магическое действие, изъявили свою волю: “Потому нехороши [были дети], что женщина первой говорила. Снова спуститесь и заново скажите”, – так изъявили. И вот тогда спустились обратно и снова, как раньше, обошли тот небесный столб. Тут бог Идзанаги-но микото, первым: “Поистине, прекрасная девушка!” – произнес, после него богиня Идзанами-но микото, жена: “Поистине, прекрасный юноша!” – произнесла. И когда, так произнеся, соединились, дитя, которое родили, [был] остров Авадзи-но-хо-но-са-вакэ».

Идея о том, что «небесный столб», вокруг которого следует обойти супружеской паре, прежде чем зачать ребенка, есть не что иное, как гигантское (или, по крайней мере, очень большое) изображение или статуя фаллоса, вовсе не принадлежит современным тайным эротоманам. Известный

специалист по японским мифам Хирата Ацутанэ выдвинул эту гипотезу еще в прошлом веке, опираясь на исследования фаллических культов, до сих пор сохранившихся в японской провинции, да и не только в ней. Его коллега Мацумура Такэо соглашался с ним и добавлял, что хождение вокруг столба-фаллоса являлось в древней Японии частью брачного обряда, совершаемого с целью увеличить плодovitость семьи, укрепить жизненную силу. Интересно, что незадолго до того, как Идзанаги и Идзанами решили экспериментальным путем удовлетворить свой интерес, божественным образом явились и другие высшие существа, в числе которых находилась и некая «младшая сестра» по имени Икугуи-но ками – богиня таящего живую жизнь столба. Но самое интересное все-таки было в том, что боги сразу определили, кто все-таки должен сказать «А», а кто «Б», кто «первичнее», а кто «вторичнее», наконец, кто в семье главный.

Богиня-женщина Идзанами, восхищенная богом-мужчиной Идзанаги, не смогла сдержать слов восторга: «Поистине, прекрасный юноша!» Идзанаги ее не поддержал: «Нехорошо женщине говорить первой», но все же согласился соединиться с ней – как выяснилось, только для того, чтобы утвердиться в своих сомнениях. Первый ребенок оказался «дитем-пиявкой». Комментаторы «Кодзики» и «Нихонги» считают, что речь идет о ребенке, либо родившемся без рук и ног или без костей, либо парализованном – в любом случае это явное описание какого-то генетического уродства (так же

как и «пенный» остров Авасима – нельзя понять: пена – это суша или море), ставшего результатом того, что женщина заговорила первой и первой призналась мужчине в своих симпатиях к нему. Идзанами нарушила божественный порядок вещей, ее инициатива стала несчастливым предзнаменованием и привела к беде. Практически все исследователи японской древности отмечают, что в словах Идзанами и во всем этом конфликте выражена основополагающая идея о главенстве мужчины и подчиненном положении женщины в японском обществе. Скорее всего, именно такие патриархальные отношения царили в Японии времен сотворения «Кодзики», и они не сильно изменились до сегодняшнего дня. При предельно простом отношении древних японцев к самому половому акту общественные устои уже тогда четко определяли, кто должен говорить первым, кто в доме хозяин и когда можно рожать детей.

В дальнейшем при подсчете потомков богов «неудачные дети» вроде ребенка-пиявки или острова Авасима в число детей не включались; все подобные «наследники» были рождены до «оформления» брака, то есть до повторного хождения вокруг «небесного столба», как это произошло, например, с отвергнутым островом Оногородзима – он родился из капель соли. «Правильные», «оформленные» боги рождались «правильным путем» – об этом свидетельствует описание появления сына Идзанаги и Идзанами – бога огня, при рождении которого было опалено лоно Идзанами, после че-

го она заболела и вскоре умерла.

Высший уровень стриптиза

В «Кодзики» на многочисленных примерах не только раскрываются истоки отношения японцев к сексу, там же повествуется и о легендарных прообразах некоторых современных элементов японской эротической культуры, включая любимый жителями Японии стриптиз. Один из самых знаменитых эпизодов «Записей о деяниях древности» с уже привычной нам натуралистичностью изображает богоугодность прилюдного раздевания и в чем-то оправдывает будущую некоторую склонность части японцев к эксгибиционизму и вуайеризму, абсолютно естественную, впрочем, в условиях средневекового японского быта.

Вот как выглядел результат конфликта между божественными братом – богом ветра и его не менее почитаемой сестрой – прародительницей японского императорского рода богиней-солнце – великой и священной Аматаэрасу оо-ми-ками: «...бог Хая-Суса-но-о-но микото Великой Священной Богине Аматаэрасу оо-ми-ками сказал: “Мои намерения чисты и светлы. Потому рожденных мною детей – нежных женщин я получил. Так что, само собой, я победил”, – так сказав, в буйстве от [своей] победы, межи на возделанных полях Священной Богини Аматаэрасу оо-ми-ками снес, [оросительные] каналы засыпал.

А еще – в покаях, где отведывают первую пищу, испраж-

нился и разбросал испражнения.

И вот, хотя [он] так сделал, Великая Священная Богиня Амата́расу оо-ми-ками, [его] не упрекнув, сказала: “На испражнения похоже, но это братец мой – бог, наверное, наплевав спяну, так сделал. А то, что межи снес, каналы засыпал, – это, наверное, братец мой – бог, землю пожалев, так сделал”, – так оправдала [его], но все же его дурные деяния не прекращались, а стали еще безобразнее. В то время, когда Великая Священная Богиня Амата́расу оо-ми-ками, находясь в священном ткацком покое, ткала одежду, что положена богам, [бог Суса-но-о] крышу тех ткацких покоев проломил и небесного пегого жеребчика, с хвоста ободрав, внутрь бросил.

Тут небесные ткачихи, увидев это, испугались, укололи себя челноками в тайные места и умерли.

И вот тогда Великая Священная Богиня Амата́расу оо-ми-ками, увидев [это], испугалась и, отворив дверь Амэ-но-ивая – Небесного Скалистого Грота, укрылась [в нем]. Тут вся Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму, в Тростниковой Равнине – Серединной Стране повсюду темень стала. Из-за этого вечная ночь наступила...»

Обратим внимание на два момента: отношение богини к своему буйному брату, фактически лишившему ее земли урожая и нагавившему в покоях сестры: скорее всего, бог ветра был пьян, а к пьяным в Японии со времен богини Амата́расу соответствующее – трогательное – отношение.

И лишь когда Суса-но-о нарушает покой небесных ткачих, оскверняя их покои нечистым животным (в Японии, как и во многих других странах, все, что связано с мясом, кровью, выделкой шкур, считалось нечистым), Аматэрасу выходит из себя. Перед этим небесные ткачихи, доказывая чистоту помыслов, лишают себя жизни, проткнув ткацкими челноками «тайные места», скорее всего – по мнению японских комментаторов, матку. В «Нихонги» в рассказе об эпохе правления легендарного императора Судзин мы находим еще одно упоминание о подобном, сугубо женском способе самоубийства. Принцесса Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото, бывшая оракулом бога Омоно-нуси, стала его супругой. Но бог приходил к ней только по ночам, а принцессе, любопытной, как и все женщины, очень хотелось увидеть его при дневном свете: «...Сказала [как-то] своему супругу Ямато-тотопи-мо-мосо-бимэ-но микото: “Никогда не видно тебя днем, и я так и не могу узреть твоего священного лица. Прошу тебя, побудь подольше. Мечтаю я, чтобы ты позволил мне нижайше лицезреть твою прекрасную наружность при свете дня”. Великий бог рек ей в ответ: “Доводы твои веские. При дневном свете я войду в твою шкатулку для гребней. И прошу тебя, не пугайся моей наружности”, – так молвить соизволил.

Подивилась Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото в душе своей, дождалась рассвета, заглянула в шкатулку для гребней, а там – прелестная маленькая змейка. Длина и тол-

щина ее – вроде как у шнурка, которым одежду подвязывают.

Испугалась [Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото] и закричала. Тогда Великий бог от стыда тут же превратился в человека и сказал своей жене: “Ты не стерпела [закричала] и тем навлекла на меня позор. Раз так, то я вернусь [на небо] и на тебя позор навлеку”, – так молвил.

И вот, по воздуху ступая, стал подниматься на гору Ми-мо-ро-но яма. Запрокинула Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото голову, чтобы на него вверх смотреть, раскаялась, да тут и наземь села. Проткнула себе потаенное место палочками для еды и скончалась»⁴.

Могилой принцессы считают большой курган близ горы Мива, который называют Хасихака («Могила палочек для еды»). Как объяснить такой жестокий вариант лишения себя жизни, если только гуманные способы вообще существуют? Может быть, женщины демонстрировали таким образом, что оскорблена именно их женская сущность? Думается, здесь большой простор для интерпретаций, но пока вернемся к «Кодзики»⁵. Как вы помните, мы оставили богиню Аматаэрасу в самый напряженный момент мифа – она скрылась в загадочной пещере, а скорее всего, в своем дворце, оставив тем самым своих подданных, царство Ямато, весь японский на-

⁴ Нихон сёки: Анналы Японии: В 2 т / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. С. 213.

⁵ Кстати говоря, в Третьем свитке «Кодзики» содержится и первое в истории упоминание о двойном самоубийстве влюбленных, ставшем весьма популярным в Японии в Средние века.

род в жуткой темноте.

Другие боги предпринимали самые разные усилия, чтобы снова выманить ее на свет, и здесь как раз и случилось то, что японские актеры называют сегодня «моментом возникновения японского театра», гейши – первым эротическим выступлением, современные исследователи – несомненным примером первого в мировой истории поистине божественного стриптиза.

«Амэ-но-удзумэ-но микото – Небесная Богиня Отважная, рукава подвязав лозой, с небесной горы Кагуяма, из небесной лозы Сасаки сетку кадзура сделав, листья Саса с небесной горы Кагуяма пучками связав, пустой котел у двери Небесного Скалистого Грота опрокинув, ногами [по нему] с грохотом колотя, в священную одержимость пришла и, груди вывалив, шнурки юбки до тайного места распустила».

Последовала естественная реакция: «Тут Равнина Высокого Неба ходуном заходила – все восемьсот мириад богов разразились хохотом. Тогда Великая Священная Богиня Ама-тэрасу-но оо-ми-ками, странным это сочтя, дверь Небесного Скалистого Грота чуть приоткрыла...»

Этого было достаточно, чтобы боги, караулившие Ама-тэрасу у входа в пещеру, не позволили ей снова уйти в тень: «И вот, когда Великая Священная Богиня Ама-тэрасу-но оо-ми-ками выйти [из грота] изволила, тут и Равнина Высокого Неба, и Тростниковая Равнина – Серединная Страна, сами собой, озарились светом».

Эту сцену, попавшую в фильм режиссера Инагаки Хироси под простым названием «Рождение Японии», считают классической иллюстрацией сексуально-магических верований всех древних людей, а отнюдь не только японцев. Считается, что элементы ритуального стриптиза были присущи многим племенам, населявшим когда-то землю, но все же именно у японцев в историко-литературном произведении запечатлелся социально-планетарный характер стриптиза, связанный с магией женского тела вообще и гениталий в частности. Некоторые историки даже имя богини, спасшей Землю, – Амэ-но удзумэ – переводят как «Жуткая небесная самка», что, возможно, несколько чересчур, но, так или иначе, популярности легенды отнюдь не умаляет, и каждый год в память о тех событиях в синтоистских храмах проходят празднования с ритуальными танцами кагура, хотя до стриптиза нынче дело уже не доходит. На несакральном уровне легенда об Амэ-но удзумэ тоже жива – сегодня ее отчасти воплощают традиционные эротические шоу токудаси. Вариант этого шоу попал в известный фильм «Шокирующая Азия», а вот как его описал исследователь Японии Ян Бурума: «Девушки подползают к самому краю сцены и, откинувшись назад, медленно раздвигают ноги перед возбужденными лицами зрителей. Публика, словно под гипнозом, наклоняется вперед, чтобы лучше рассмотреть этот магический орган во всем его мистическом великолепии. Женщины медленно ползают по сцене, стараясь подобраться к зрителям как

можно ближе. Они раздают мужчинам увеличительные стекла и маленькие фонарики, которые передают из рук в руки. Все внимание сосредоточено в одной точке женского тела; на сцене настоящие богини, заворожившие публику»⁶. В современных порноклубах японских городов варианты этого действа могут разниться, но оно и поныне остается одной из высших точек шоу для взрослых.

Возникает закономерный вопрос: насколько то, что изложено в «Кодзики», «Нихонги» и других произведениях мифологического жанра, можно принимать на веру? Точнее, насколько эти легенды действительно древние – можно ли считать их хотя бы косвенными свидетельствами реально существовавших в глубокой древности на территории нынешней Японии шаманских культов, которые могли наложить заметный отпечаток на эротическое сознание современных японцев? Вопрос не праздный, совсем не простой, и вряд ли он имеет однозначный ответ. «Записки о деяниях древности» были составлены в 712 году н. э., а остальные памятники такого рода чуть позже, то есть во времена, когда японский народ уже существовал как вполне сложившийся этнос со своими поведенческими нюансами, и «священные писания» синто лишь констатировали актуальные на тот момент представления древних японцев о жизни. Но если с определением даты составления «Кодзики» и «Нихонги» проблем

⁶ Цит. по: Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Энциклопедия Тантры. М.: Амрита, 1997. С. 37.

почти не возникает, то в истории их влияния на японское общество, в том числе на его сексуальную культуру, еще много темных пятен.

Исследователи считают, что примерно до начала XIV века текст этих памятников был практически неизвестен в самой Японии. Выдвигалась даже гипотеза о том, что, как это часто случается, «Кодзики» написаны позже, чем принято считать. Версия спорная, но в любом случае «Записи о деяниях древности» и «Анналы Японии» дают достоверную информацию о добуддийской Японии, ее политическом, общественном устройстве и, что нам особенно интересно, о гендерных взаимоотношениях древних японцев и довольно точно иллюстрируют наши представления обо всем этом.

С другой стороны, влияние этих текстов на последующие раннесредневековые традиции могло быть либо довольно незначительным, либо его не существовало совсем. Но что же тогда думали о любви и сексе японцы, жившие после эпохи легендарных императоров, описанной в «Кодзики» и «Нихонги», и до времен аскетичных и brutальных взглядов самураев, то есть в период с VII по XIII век? Прежде чем ответить на этот вопрос, ненадолго вернемся из раннего Средневековья в наши дни и отдохнем от сложных имен любвеобильных японских богов, их запутанной генеалогии, цитат и чудесных превращений. Обратимся к простым японским гражданам, гинекологии, а заодно к другим насущным потребностям и особенностям национального интимного об-

щения.

Божественные корни

Каждый год в начале апреля многие тысячи людей, большей частью иностранцы, спешат в граничащий с Токио город Кавасаки, в храм Канаяма-дзиндзя⁷ на «вынос члена» – так попросту можно окрестить дошедший до нас из глубины веков праздник, посвященный животворящему началу бога Идзанаги-но микото – тому началу, которое «росло-росло, да и выросло». Забавная игра слов: сей предмет мужской гордости японцы в разговоре зачастую называют просто «чин-пон» или «чин-чин», а потому нередко вздрагивают, когда впервые попавшие в Японию русские где-нибудь в ресторане вспоминают европейские традиции и в порыве пьяного красноречия провозглашают чисто японский, по их мнению, тост: «Чин-чин, банзай!»

Легенда гласит: много-много веков назад, в ту самую пору, о которой мы только что рассказывали, то есть когда еще духи жили вместе с людьми, с одной из синтоистских богинь случился жуткий конфуз – у нее выросли зубы в самом не подходящем для этого месте. Естественно, такое пренеприятное событие не могло не задеть за живое не только потенциально близких богине персонажей, но и весь народ Страны солнечного корня. Как вы помните, лишь боги, рожденные естественным для человека (!) путем, могли считаться

⁷ Другое название – Канамара-дзиндзя.

нормальными, фактически здоровыми богами – кем бы они ни были в визуальном воплощении – людьми или островами. Страх перед возвратом к ненатуральному способу размножения заставил богов и людей обратиться к... кузнецу, что на первый взгляд выглядит довольно неожиданным поступком. С другой стороны, как и во многих странах, в древней Японии кузнецы считались тесно связанными с шаманскими культами, с колдовством – ведь только они умели укрощать огонь и металл. Можно предположить, что, обратившись предварительно к своим металлургическим духам, новоявленный кузнец-гинеколог рьяно принялся за дело и, хотя и не сразу, нашел решение проблемы. Он выковал огромный железный пенис – чудный фаллоимитатор, которым и обломал пациентке все лишние зубы, так некстати выросшие в «тайном месте». Получается, что мифы сохранили для нас и благоговение перед полумистической (не только для Японии) профессией кузнеца, творящего где-то между миром духов и миром людей, и страх перед демографической проблемой, и даже косвенное упоминание о том, что живая в современной Японии традиция использования разнообразных фаллоимитаторов имеет глубокие, поистине божественные корни.

Синтоистское святилище Канаяма-дзиндзя в Кавасаки – далеко не единственный храм такого рода в Японии, они разбросаны по всей стране, хотя далеко не все современные японцы знают о их существовании. А если и знают, то стес-

няются даже вспоминать о них, по крайней мере в присутствии иностранцев. Многие японские знакомые автора краснели при разговоре о том, что мы собираемся поехать на мацури (синтоистский праздник) в столь необычное место. Мужчины, но особенно, конечно, японские дамы закатывали глаза: «Какой ужас!» Потом, отведя в сторонку, просили привезти сувенир – хотя бы печенье с изображением одной из семидесяти классических японских поз⁸. Заинтригованные, мы даже предположили, что, кроме нас, там никого не будет, но, как оказалось, совершенно напрасно.

Выяснилось, что, несмотря на отсутствие храма на туристических картах, поклониться фаллосу сюда приходит довольно много людей. Это легко объяснить. Лингам – символ не только секса, но и – даже прежде всего – жизни. Большинство приходящих сюда японцев и японок просят богов о детях – они уверены, что молитва помогает избавиться от бесплодия. Весь храм увешан специальными дощечками-эма, на которых обычно пишут просьбы богам. Большинство эма храма Канаяма выглядят довольно забавно: на них изображен малыш, как бы «вылупляющийся» из яйца, – идея понятна. На территории храма стоят сразу несколько металлических наковален и изображений огромного фаллоса, которые полностью увешаны этими дощечками, что сви-

⁸ Принято считать, что таких поз 48 – по числу изображенных на средневековых гравюрах. Однако в Канаяма-дзиндзя действительно продавались платки, на которых мы насчитали ровно 70 неповторяющихся оригинальных сексуальных позиций.

детельствует о том, что, несмотря на замалчивание, праздники наподобие Канаяма-мацури пользуются высокой, хотя и не афишируемой, популярностью в народе. Но самое, пожалуй, поразительное и показательное в Канаяма-дзиндзя для нас, неяпонцев, то, что территория храма со всей соответствующей атрибутикой служит игровой площадкой для находящегося тут же детского садика. Что может быть естественнее в половом воспитании, пожалуй, трудно себе даже представить.

Много выше по течению реки Тамагавы (храм Канаяма расположен в месте ее впадения в Токийский залив) находится еще одно известное своими необычными ритуалами синтоистское святилище. На праздник Хана-гакари туда даже в советские времена отважно наведывались наши ученые – уж очень хотелось увидеть современную интерпретацию божественных эротических плясок: «На площадку перед храмом вышла небольшая процессия. Впереди шли человек десять мужчин, игравших на свирелях. За ними двигались четыре молоденькие девушки в черных кимоно с очень странным головным убором: казалось, на головах у них корзины, над которыми высоко поднимались гирлянды искусственных цветов. Шествие замыкали несколько человек в львиных масках, бившие палочками в небольшие барабаны.

Когда все вышли на площадку, музыканты уселись перед храмом, девушки закрыли лица покрывалами из красной материи, львы-барабанщики надвинули маски. Танец начал-

ся. Сначала львы-барабанщики лишь ритмично двигались в такт звукам свирелей, а девушки вторили свирелям на весьма своеобразных инструментах: расщепленных стволах бамбука, по которым они водили смычками. Вдруг со стороны храмовых ворот появился еще один человек. Лицо у него было закрыто мужской маской, на затылке была прикреплена женская, а в руках он держал красную палку, имитировавшую фаллос. Человек начал бешено кружиться среди танцующих. Он то размахивал палкой, то подскакивал к девушкам, имитируя движения полового акта, то с дикими криками бросался на зрителей. Ритм танца ускорился, львы-барабанщики тоже начали носиться среди девушек, производя весьма неприличные телодвижения; чувствовалось, что танцующие пришли в экстаз. Человек с двумя масками исчез так же внезапно, как и появился. Вслед за ними ушли музыканты и танцоры.

Хана-гакари – очень древний обрядовый танец. В свое время он исполнялся людьми, молившимися о плодородии, о богатом урожае, ибо в своих представлениях они отождествляли процесс прорастания зерна с половым актом.

В Японии до сих пор сохранились синтоистские храмы (некоторые из них находятся недалеко от столицы), в которых объектом поклонения служат изображения фаллоса или вагины. В этих храмах в качестве талисманов можно приобрести предметы, за продажу которых любой мирянин был бы привлечен к ответственности как за распространение порно-

графии.

Сохранение таких необычных, странных обрядов в обстановке современной цивилизованной страны свидетельствует о том, что синто, несмотря на уверения его апологетов о его якобы гуманистическом содержании, продолжает оставаться религией, наиболее близкой к первобытному анимизму среди прочих религий современных цивилизованных народов»⁹.

В большинстве подобных храмов не только в праздники, но и круглогодично можно купить оригинальные сувениры-обереги. Выбирать их во время мацури с удовольствием помогают местные трансвеститы, которых во время праздников тут человек пятьдесят (тех, кто рискнул прийти в карнавальных одеждах). Они веселятся на всю катушку, щеголяя своими роскошными нарядами и тяжеловесным макияжем, охотно позируют и фотографируются с иностранцами. Именно на хрупкие внешне, но по-прежнему мускулистые плечи трансвеститов в Каная-ма-дзиндзя ложится и основная ноша – под громкие ритмичные крики (что-то вроде «давай, давай!»), сопровождаемые огромной восторженной толпой, они носили по городским улицам о-микоси – носилки с гигантскими фаллосами. Самый большой из них, нежно-розового цвета, был подарен храму неким «Клубом Элизабет», и это вряд ли тот «клуб», что часто все еще ассоциируется у

⁹ Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968. С. 22–28.

нас с советским Домом культуры.

Впрочем, теперь есть кому сменить японских травести и помочь им с носилками. Такое количество американцев, арабов, евреев, французов сразу в одном месте в Японии не так то просто увидеть. Многие – в основном мужчины – прорываются к о-микоси и таскают его вместе с японцами. Многие девушки седлают огромные бревноподобные «чин-чины» во дворе храма и с удовольствием фотографируются верхом. И те и другие с искренним любопытством осматривают ритуальную кузницу и выстраиваются в очередь, чтобы написать просьбу богам на тех самых дощечках-эма. Похоже, что простое отношение японцев к божественному сексу – это как раз то, чего многим из них не хватает.

Глава вторая

Высоты духа и низость нравов

Не вскрывать!

«Любовь – это вам не просто так. Любовью надо заниматься!» – глубокомысленно изрекал один хулиганский персонаж российского телевидения. Нет сомнений в том, что японцы во времена раннего Средневековья любовью занимались – ведь этот народ дожил до наших дней. Оставляя же шутки в стороне, обратимся к дошедшим до нас письменным свидетельствам о том, как они это делали, – не пренебрегая, с одной стороны, самыми практическими деталями проблемы и, с другой, обращаясь к высоким формам гендерных взаимоотношений, отраженным в литературе. Последним в те далекие времена уделялось куда больше внимания – по крайней мере, в дошедших до нас письменных источниках.

В VII веке в Японию через Китай и Корею проник и занял прочные позиции буддизм, на довольно продолжительное время став там официальной религией. В ближайшие после его укоренения на земле скалистых островов века наибольшую популярность и авторитет среди всех прочих разношерстных направлений набрали две школы эзотерическо-

го толка – Тэндай и Сингон.

Последняя, широко распространенная в Японии и сегодня, тесно связана с Ваджраяной – Алмазной колесницей спасения, наиболее сложной версией мистического, эзотерического буддизма, в учении которой немало общего с тибетской школой тантры. И Тэндай и Сингон оказались довольно сложны для понимания, изучения и практики, а потому особенным почетом пользовались в образованной среде, способной быстро воспринимать и «творчески переосмысливать» новые культы и все, что их сопровождало.

Считается, что одновременно с сутрами и трудами китайских мыслителей в Японию попали и классические труды по искусству любви (китайцы к тому времени уже были выдающимися мастерами в этом деле). По всей вероятности, именно эти практические наставления по занятиям любовью и превратились со временем в уже упоминавшиеся японские «сидзю хаттэ» – «48 поз», привнеся с собой в островной быт в том числе элементы технического оснащения секс-культуры, например, одно из самых популярных китайских достижений в этой области – искусственный фаллос. Изготовленный из дерева, рога или черепашьего панциря, лингам – харигата (хариката) скоро испытал на себе неудержимо мощную японскую тягу усовершенствовать все и вся. Тэнгу – мифологическое существо, человекообразный дух леса с красным лицом и огромным клювом – скоро стал изображаться (и часто изображается в таком виде по сей день) с длинным

и прямым красным носом с утолщением на конце, отчетливо напоминающим стилизованный фаллос¹⁰. Обычный харига-та использовался японками по прямому назначению, для мастурбации в отсутствие мужа или при его холодности к жене (видимо, эта насущная современная проблема уже тогда была актуальна в Японии). Часто на харигата даже писалось имя мужа – таким образом обозначалась духовная связь с ним, а мастурбация при помощи харигата возводилась в ранг супружеского полового акта. Использовалась ли для этого маска тэнгу? Мы не знаем, но фантазию давно живущего в Японии нашего соотечественника Игоря Курая она точно стимулировала: «Всеволод почувствовал, как упрямый язычок снизу вторгается в неподатливый сфинктер, вдруг ощущение легкой щекотки ушло, и в раздвинувшееся жерло вонзился закругленный пластиковый жезл в виде багрового носа тэнгу, которым первая девица только что помахивала.

– Харигата! Харигата! – пропела она тонким голоском»¹¹.

К поклонению любому божеству японцы подходят творчески. Так, образ Ганапати (Ганеши) на Островах раздвоился и превратился в двух обнимающихся, а то и совокупляющихся антропоморфных слонов. Само имя его – Кан-китэн (Кангитэн) означает «бог радости» или «радостный

¹⁰ Процессию на празднике Канаяма-мацури, о котором рассказывалось в [предыдущей главе](#), по многовековой традиции возглавляет синтоистский священник как раз в маске тэнгу.

¹¹ *Курай И.* Японские ночи. СПб.: Symposium, 2005. С. 117.

бог». В Японии более 250 храмов, посвященных Ганапати, но изображения его можно увидеть далеко не в каждом. Они обычно находятся во внутренних помещениях храмов, поскольку относятся к категории скрытых (старейшее изваяние 1333 года хранится в храме Хокадзи в Камакуре). Но есть еще один символ «радостного бога» – фаллособразная редька дайкон, и потому чаще всего изображение пары в соитии заменяется изображением двух корнеплодов дайкона, что для жителей Страны солнечного корня, чья кухня признана всемирным культурным наследием, даже логично¹².

Практичные и рациональные японцы – наследники божественных половых традиций Идзанаги и Идзанами, тэнгу и Амэ-но Удзumé без малейшего ханжества относились к вопросам секса до тех самых пор, пока первые буддийские проповедники не умили их пыл. До указанного времени половая любовь воспринималась как нормальная потребность здорового организма, а синто, религиозная основа древней Японии, не знало главного института буддизма – монашества. Вероятно, необходимость celibата стала для первых японцев-буддистов шоком, который, впрочем, довольно быстро прошел, и этому помогло весьма своеобразное качество японского менталитета.

Дело в том, что японцы ничего, в том числе и религию, не

воспринимают системно, в целом. Сила этого народа состоит в умении творчески перерабатывать любую информацию, виртуозно переделывая ее, приспособлявая под себя. Сегодня они могут сделать это с достижениями ядерной физики, тысячу лет назад они поступили так с буддизмом. Синто не могло смириться с его идеалом безбрачия. К тому же почти одновременно появилось еще и конфуцианство со своим культом предков и строгими семейными ценностями. Для соответствия японской религиозной почве нужна была коренная реконструкция новой веры, и очень скоро буддизм испытал на себе мощь японской идеологической и психологической «мясорубки». Китайские варианты учения Будды адаптировались к особенному мышлению этого удивительного народа, а некоторые секты, попавшие в Японию из Китая, во всем мире сегодня и вовсе считаются истинно японскими, как это произошло, например, со школой Чань, ставшей повсеместно известным дзэн-буддизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.